

Кравцова Л.

1985, IX

Молодой коммунар

Воронеж

19 СЕН 1985

Молодой
Коммунар

ОБОГАЩАЯ ОПЫТОМ ДУШИ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АКТРИСЫ ВОРОНЕЖСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ ИМЕНИ А. КОЛЬЦОВА ЛЮДМИЛЫ КРАВЦОВОЙ

Нет, конечно, она и теперь не застрахована от неудач и не все роли, которые ей хотелось бы сыграть, услужливо предоставляются ей режиссурой. У любой актрисы есть поводы для огорчений. У Людмилы Кравцовой — тоже. И все-таки сейчас, наверное, — ее лучшая пора. Прожитое на сцене позволило протоптать свою стезю в искусстве, обогатить опытом души и раздумьями, формирующими личность.

Совсем юной, семнадцатилетней пришла она во вспомогательный состав Воронежского академического театра драмы имени А. Кольцова и одновременно стала студенткой филiales Ленинградского института театра, музыки и кино. Поначалу все складывалось у Л. Кравцовой не лучшим образом. Режиссеры ее «не видели». Она казалась старше своих лет, и героини-одногодки, с которых чаще всего начинают молодые актрисы, почти миновали ее стороной или во всяком случае не составляли сколь-нибудь важную пласта в ее репертуаре.

Впрочем, слова «ее репертуар» звучат слишком высокопарно, чтобы обозначить редкие и не слишком заметные тогда появления Л. Кравцовой то в одном, то в другом спектакле...

Миновало целое десятилетие, прежде чем пришла пора постепенного включения в каждодневный рабочий процесс, в котором репетиция и премьеры, замены и входы, тревоги и радости составляют единую нескончаемую цепь. Она начинала ощущать свою нужность, и одно это было для нее наградой за годы ожидания. Комелькова, потом Осянина («А зори здесь тихие...» Б. Васильева), Клементина («Забыв Герострата» Г. Горина), Анна («Каменный восторг» Л. Украинки)... Эти образы, как и все прочие, тогда создавались в параллель с другими, более опытными исполнителями. Однако уже не заслонялись ими, как прежде. Все заметнее становились черточки, привнесенные актрисой в характеры своих героинь. В каком-то эпизоде шепташе прозвучала резкая драматическая нота. Где-то взволновало вдруг четко вы-

раженное лирическое начало. И почти всегда женская привлекательность если и не переходила еще в человеческую незаурядность, то во всяком случае обещала ее.

...Роль Василисы из пьесы М. Горького «На дне». Работа шла на сопротивление тому, что стало уже привычным для многих героинь — лиричности, инфантильности, слабости. Требовался иной подход к образу, иные краски. Впервые здесь проявилась открытая страсть. Актриса как бы внутренне раскрепостилась. Более резкими стали движения. Во всем облике обозначилась та определенность, которая сопутствует постижению характера. Пусть не в полной мере. Но все-таки постижению. И строилось оно... на заступничестве по отношению к Василисе. Л. Кравцова нашла для нее оправдательные мотивы — жизнь с нелюбимым стариком, загубленная женская доля... И потому она так неистова в жуткой сцене с Наташей, когда из-за ревности к Васье Пеплу обливает ее кипятком. Мрачное отчаяние переступившего черту человека раскрывает бездны первозданных, не проясненных сознанием чувств. А вскоре Л. Кравцова сыграла Ирину Александровну Сестрорецкую в «Третьей, патетической» Н. Погодина. В Василисе все вылезло наружу. Здесь — напротив: манера исполнения мягкая, сдержанная. Интенсивная душевная жизнь, тяжкие страдания за судьбу братоубийцы, изменившего долгу, получают лишь скупое, благородное интеллигентное выражение. Тем не менее боль Сестрорецкой очевидна, и она заставляет пристальной вглядываться в эту женщину, вслушиваться в ее речь, обращенную к Ленину.

Наверное, никогда прежде не удавалось такое отречение от себя самой, как в роли Серафины («Татуированная роза»). Между той, хорошо знакомой нам Л. Кравцовой, и героиней Теннесси Уильямса, родом из далекой Сицилии и жившей теперь в еще более далекой Америке, казалось, не было никакого зора. Роль поглощала целиком. Хотя поначалу представлялось, что внешняя характерность —

стремление походить на «настоящую» итальянку — преобладала в сценическом рисунке образа. Импульсивность была через край, не оставляя, кажется, места ничему другому. Форсированный голос, подчеркнута резкая жестикация.

Но нет, не сам по себе юный темперамент занимал актрису. Он служил выражением истинной страстности ее героини. Все подчинилось этому. Именно сила любви, сила страсти, почувствованная и переданная Л. Кравцовой, делает органичным на сцене ту сложную драматическую кризисную, какую вырисовывает для Серафины Т. Уильямс.

Серафина помогла определиться, выкристаллизоваться главной творческой теме Л. Кравцовой. Суть ее — в раскрытии особого предназначения женщины на земле, в желании возбудить в людях уважение и благодарность к ней. Хранительница главных человеческих ценностей — любви, верности, материнства — женщина должна быть счастлива, должна быть согрета вниманием, вызывать к себе глубокие и сильные чувства. Актриса старается пронести эту мысль через многие роли, в каждой из них стремясь напомнить о женской незащищенности и ранимости.

Как-то она сама писала об этом в «Театральной жизни»: «Когда в современной драматургии я чаще всего сталкиваюсь с сильными женскими характерами, то стараюсь выявить их женственность, душевную мягкость, сердечность. Ведь зрителю хочется видеть не мужчину в женском облике, а героиню и любимую, и любящую, и страдающую, и счастливую».

Именно эти качества заставили ожить, засеркать красками жизни ее Фросю в «Печке на колесе» Н. Семенов. Ее терпение, любовь к людям, женственность и жертвенность (здесь это почти слова-синонимы) противопоставляют только нелестям окружающего: пьяному сумбуру мужа, отца ее пятерых детей; недолжному служебному рвению председателя колхоза, требующего ее переселения из родного, «неперспективного» ху-

тора в село. Они противостоят и сложности бытия в более широком смысле. Фрося у Л. Кравцовой будто излучает солнечный свет. Свет добра и надежды, от которого становится теплее, радостней.

...Трактористка Харисова в «Тринадцатом председателе» А. Абдуллина появляется на сцене с незатухающей болью в душе. Сагадеев, всколыхнувший их жизнь, сделавший так много для колхоза и каждого колхозника, — на скамье подсудимых. Главная тема Л. Кравцовой поворачивается здесь еще одной гранью как тема совестливости — гражданской, человеческой. Но прежде всего — совестливости женской, глубокой, коренной, о которой в песне поется и в сказке сказывается.

Фрося в «Печке на колесе» — «лирическая героиня». Харисова в «Тринадцатом председателе» — характерная роль. Впрочем, Л. Кравцова, сыгравшая немало «героинь», всегда остается прежде всего характерной актрисой. Отсутствие в роли индивидуального характера она ничем не может возместить — никакая «приятность» здесь не сработает. Ей чаще удаются те образы, которые включены в быт. Ей необходима жизненная конкретность. И во внешнем облике, и в манере поведения. Сапожникова в «Синих конях на красной траве» М. Шатрова особенно показательна. Л. Кравцова, нигде не переходя в шарж, понимая свою героиню и в чем-то сочувствуя ей (просвечивает в Сапожниковой неустроенность быта, томящее женское одиночество), создает яркий и достоверный образ.

Актриса всегда помнит о нравственных и духовных резервах, тающихся в каждом. Она хочет напомнить о них, сказать людям, чтобы они не забывали о своем высоком предназначении, были достойны самих себя. Она не только защитница своих героинь. Иной раз она может стать их судьей — хотя и в этом случае не изменяет самой себе, не отказывается от поисков «добра» в «злом», если пользоваться словами К. С. Станиславского,

Пьеса А. Гельмана «Наеди-

не со всеми», где Л. Кравцова исполняет роль Наташи, ставила ее в совершенно особые условия. Спектакль играют в фойе. И вместе со своим партнером, заслуженным артистом РСФСР А. Гладневым она вдруг лишилась всего привычного театрального. Не было ни подмостков сцены, ни занавеса. Четыре ряда зрителей, с трех сторон окружившие площадку, требовали особой меры достоверности. Правда, переживания становились единственным и важнейшим критерием работы актера.

Финал пьесы, продиктованный уходом Наташи от мужа, не означает ее нравственной победы. Из праведного пафоса обличения, избранного было Наташей для разговора с Голубевым, ничего не получилось. Л. Кравцова ненавязчиво, как бы вскользь, приоткрывает в ней другие, до сих пор не видимые нами черты, и зритель сразу же чутко реагирует на это. Актриса создает характер интересный, в чем-то привлекательный — изящество и женский шаг угадываются даже в терзаниях той ночи. Но это не мешает ей нести в себе зло потребительского отношения к жизни, которое для иных стало нормой, и, не будь экстремальной ситуации (страшной беды с сыном), едва ли особенно шокировало. И потому не судья она мужу — оба подсудимые. Но не зря чем-то и привлекала нас героиня Л. Кравцовой — искренностью отчаяния, что ли... Все-таки нашла в себе силы... Ушла... Может, завтра попросится назад?

Как бы ни складывались обстоятельства жизни в театре, какие бы «внесценические» проблемы ни будоражили труппу, Людмила Кравцова сосредоточена на главном — на своей работе. Она словно заморожена красотой человека и стремится раскрыть ее в женском характере — знакомом и в чем-то всегда новом, привычном и неожиданным. И даже тогда, когда она показывает своекорыстие и безрасудство своих героинь, ее не покидает любовь к людям, вера в победу благородства и чистоты, без которых невозможна жизнь.

З. АНЧИПОВСКИЙ.